

СУПЕРПРЕЗИДЕНТСКАЯ СИСТЕМА Р.Т. ЭРДОГАНА: КУДА ДВИЖЕТСЯ ТУРЦИЯ?

Аннотация

В статье приводится анализ транзита Турецкой Республики к суперпрезидентской системе. Рассмотрены факторы, благодаря которым действующему президенту Турции Р.Т. Эрдогану и правящей Партии справедливости и развития (ПСР) (тур. Adalet ve Kalkinma Partisi) на протяжении практически двух десятилетий удавалось сохранять центральное положение на внутривнутриполитической арене страны, также выявлены и описаны причины, приведшие к снижению поддержки сложившегося режима. Основной вывод работы заключается в том, что в настоящее время политическая система Турции находится в «институциональном тупике»: фрагментированная оппозиция не способна предложить альтернативу Р.Т. Эрдогану. В связи с этим можно предположить, что новый электоральный цикл 2023 г. (президентские и парламентские выборы) завершится его переизбранием и сохранением за ПСР доминирующего положения в Великом национальном собрании Турции.

Ключевые слова: неоосманнизм, демоисламизм, Партия справедливости и развития, курдский вопрос, Р.Т. Эрдоган.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.006

Автор

Любовь Викторовна Нечаева

Студентка Факультета управления и политики
МГИМО (У) МИД РФ
(Москва, Россия)

С момента образования Турецкой Республики (ТР) идеологическое наследие ее основателя Мустафы Кемаля Ататюрка выполнило свою историческую миссию дважды. На протяжении XX в. шесть фундаментальных принципов кемализма — республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм и реформизм — концептуально обосновывали демократический транзит Турции, а после их включения в 1937 г. в Преамбулу Конституции служили основанием для легитимации вмешательства армии в политику. В последний раз военные апеллировали к «стрелам» Ататюрка 28 февраля 1997 г., обвинив премьер-министра Неджметтина Эрбакана (Партия благоденствия) и возглавляемое им правительство в исламизации турецко-

го общества, в результате чего он был вынужден сложить полномочия [8].

Вскоре Партия благоденствия была запрещена по решению Конституционного суда. В 2001 г. ее бывшие члены Бюлент Арынч, Абдулла Гюль и Реджеп Тайип Эрдоган учредили ныне правящую Партию справедливости и развития (ПСР), и вот почти два десятилетия ей удается сохранять доминирующие позиции в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ). Подобный успех объясняется рядом идеологических, экономических и социальных факторов.

Идеология. ПСР, имея исламистское происхождение, с момента основания позиционировала себя как правоцентристская партия, основные положения которой были оформлены в концеп-

цию «консервативной демократии», разработанную политтехнологом демоисламистов Ялчином Акдоганом и изложенную в его работе «AK Parti Muhafazakar Demokrasi». Лейтмотивом книги является идея культуры консенсуса, компромисса, интеграции и терпимости, идущих вразрез с радикализмом и социальной инженерией доминировавшего ранее кемализма [10. — С. 29].

Внешнеполитической реализацией концепции консервативной демократии является более узкий сюжет — неосманизм. В самых общих чертах неосманская парадигма заключается в следующем: переосмысление имперского наследия предполагает отказ от геополитического статус-кво Турции на Ближнем Востоке, которого страна придерживалась большую часть XX в., и формирование внешней политики, включающей не только западный, но и восточный вектор, а также новый «многонациональный» подход к пониманию категории «гражданство», что подразумевает возможность мирного сосуществования представителей различных этноконфессиональных групп в рамках национального государства в противовес превалировавшей на протяжении нескольких десятилетий идеи строительства монолитного турецкого общества [14. — С. 15–16]. На практике риторика ПСР получила выражение в виде принятия ряда законов, улучшающих положение ранее дискриминируемых этнических групп, что существенно укрепило авторитет партии среди населения [13. — С. 4].

Экономика. Неосманизм — это идеология молодого турецкого класса предпринимателей, которые по окончании холодной войны, опираясь на экономическую мощь и накопленный капитал, стремились выйти на новые рынки, прежде всего, на ближневосточном пространстве. Однако региональный экспансионизм нуждался в концептуальном объяснении: исторически в рамках тезиса «национализм»,

одной из «шести стрел» кемализма, «политический ресурс» должен быть аккумулирован преимущественно на внутривнутриполитические цели ТР, тем самым продолжая дело национального строительства, начатого Ататюрком. Так, за время пребывания ПСР у власти Турция восстановила политическое и экономическое сотрудничество с Сирией, подписав с ней соглашение о зоне свободной торговли, благодаря которому товарооборот между странами увеличился в четыре раза в период 2006–2010 гг. [4], а также обеспечила себя природным газом, поставляемым из Ирана.

В целом динамика макроэкономических показателей Турции, как отмечалось в *The Economist*, давала основание назвать страну «европейским Китаем»: в 2013 г. ВВП ТР составил 950 млрд долл. по сравнению с 238 млрд долл. за 2002 г. [3]. Внешнеэкономические успехи позволили сократить разрыв между государственным доходами и расходами и снизить расходы по обслуживанию госдолга. За счет этого увеличилось финансирование социальной сферы, что также упрочило позитивный имидж ПСР перед электоратом.

Поддержка этнических меньшинств. «Консервативная демократия», в том числе и неосманизм, имплицитно предполагает и реставрацию политической роли ислама¹, что необходимо нынешнему руководству Турции по ряду причин. Интеграция турецкой общины, включающая 18 миллионов курдов² и несколько миллионов алавитов, возможна только на основе общей для мусульман религии.

На момент образования ПСР турецкие курды находились в крайне неблагоприятном положении после

¹ Идея М.К. Ататюрка о формировании светской республики разрывала связь между государством и религией, однако идентичность, сформированная в рамках Османского халифата, по-прежнему превалировала.

² Приблизительно 18% населения Турецкой Республики.

очередной эскалации конфликта с властями Республики в 1990-х гг. Молодая партия удачно политизировала раскол, противопоставляя себя давно сложившейся политической и экономической элите и выступая в качестве защитника низших классов. Стоит отметить, что Р.Т. Эрдоган часто подчеркивает то, что он «человек из народа» и является выразителем его интересов.

На первых выборах в Великое национальное собрание Турции ПСР получила около половины голосов курдских избирателей. Согласно опросам общественного мнения, такой большой процент можно объяснить удачно выбранной предвыборной риторикой ПСР: прокурдские партии выступали с узкоориентированной программой, нацеленной на расширение культурных прав меньшинства. На их фоне инклюзивная платформа ПСР и обещание улучшить материальный статус граждан находили большой отклик среди избирателей. Ожидания действительно оправдались: партия финансировала религиозные ордены, помогающие нуждающимся мусульманам¹, и изменила систему распределения средств программ социальной помощи в пользу курдских районов Турции, что существенно укрепило экономическое положение данной этнической группы. Помимо этого, курдам разрешили проводить теле- и радиовещание на курдском языке, предоставили право публично говорить на курдском языке и открывать языковые школы [11. — С. 20–27].

На внешнеполитической арене руководство ТР одно время демонстрировало готовность к диалогу с курдами: в 2005 г. под давлением А. Давутоглу президент Республики признал Региональное правительство Курдистана в качестве законного органа представительства курдской общины Ирака [12. — С. 6]. Кроме того, ислам —

инструмент, который Р.Т. Эрдоган использует для восстановления влияния Турции на Ближнем Востоке, выступая в качестве защитника угнетенных мусульман, в связи с чем стоит вспомнить выступление главы ТР на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2009 г., когда он сравнил условия проживания палестинцев с «тюрьмой на открытом воздухе» и отметил, что антиисламизм, так же как и антисемитизм, является преступлением против человечности [5]. К слову, Израиль — единственное государство, во взаимодействии с которым у Анкары наблюдается «похолодание» в первое десятилетие XX в.: в 2005 г. ТР стала одной из немногих стран, признавших легитимность победы ХАМАС на выборах.

ПСР пришла к власти в 2002 г. и благодаря удачному идеологическому позиционированию и грамотному внутривластному курсу прочно удерживала консервативный электорат вплоть до парламентских выборов в июне 2015 г., когда ей впервые не удалось получить абсолютное большинство голосов, необходимое для формирования однопартийного кабинета. На снижение популярности правящей партии повлияли несколько причин.

Во-первых, ПСР, заслужившая признание во многом за счет экономических успехов, стала испытывать трудности: экономика Турции сильно зависит от внешних источников финансирования и чувствительно реагирует в случае сокращения поступлений прямых иностранных инвестиций, что как раз и происходит, начиная с 2007 г. [7]. Стоит также отметить, что кризисные явления в экономике страны связаны с неудачными валютными интервенциями Центрального банка, в результате которых процентная ставка выросла вдвое, а курс лиры так и не стабилизировался.

Во-вторых, после вмешательства в гражданскую войну в Сирийской Арабской Республике (САР) ТР подверглась внешнеполитическому бойкотирова-

¹ Курды, проживающие в Турции, неоднократно отмечали, что благодаря суфийским орденам смогли найти работу.

нию, особенно после того, как турецкие истребители сбили российский бомбардировщик Су-24. Граждане Сирии, бежавшие в Турцию в поисках стабильности и безопасности, также неблагоприятно повлияли на социально-экономическую ситуацию внутри страны.

В-третьих, на парламентских выборах 7 июня 2015 г. ПСР не поддержал курдский электорат. Предполагается, что переломный момент наступил в 2014 г. После практически четырехмесячной осады Кобани¹ джихадистов все-таки удалось вытеснить из города, однако курды тяжело переживали гибель нескольких сотен соотечественников. Так как в адрес Анкары неоднократно поступали обвинения в оказании содействия радикальным исламистам, курдские избиратели отказались от поддержки ПСР, проголосовав за Демократическую партию народов (ДПН). ДПН — феномен для партийной системы Турции. Эта партия, образованная в 2012 г., объединяет представителей движений, выступающих за феминизм, защиту прав человека, «зеленых» и различные религиозные и этнические меньшинства. На своих первых выборах ДПН получила 13% голосов избирателей, в то время как поддержка подобных прокурдских партий ранее составляла не более 4–6% [11. — С. 32].

После неудавшейся попытки сформировать коалиционное правительство Р.Т. Эрдоган объявил о проведении досрочных парламентских выборов в ноябре 2015 г. Между первыми и вторыми выборами в Турции произошло два теракта, один из которых стал самым крупным в истории страны. Националистически настроенные турки заявляли, что всплеск насилия в ТР связан с улучшением положения курдского меньшинства, поэтому поддержали начало антитеррористической кампании против Рабочей партии Курдистана и проголосовали за ПСР на выборах

1 ноября. Тогда партия получила 49,5 % голосов ВНСТ [11. — С. 19].

Спустя несколько месяцев политические беспорядки возобновились: 15 июня 2016 г. группа военных, причастных к запрещенной в Турции террористической организации ФЕТО, совершила неудавшуюся попытку военного переворота. С осуждением путча выступила даже оппозиция партии. В условиях введенного чрезвычайного положения Р. Эрдоган объявил о проведении референдума, на котором был принят пакет поправок в Конституцию, расширяющих мандат главы государства: президент становится главой правительства, мог совмещать свой пост с членством в партии, получил право издавать указы, имеющие силу закона (в случае отсутствия соответствующего закона), издавать декреты, объявлять проведение новых выборов и назначать референдум. Так, согласно знаменитой матрице политических систем М. Шугарта и Дж. Кэри, в Турции окончательно оформилась президентская система, которую ввиду крайне широкого перечня полномочий главы государства можно вполне классифицировать как суперпрезидентскую [17. — С. 193]. Стоит отметить, что трансформация ТР началась в октябре 2007 г. Тогда на всенародном референдуме граждане одобрили предложение ПСР о переходе к премьер-президентской системе, предполагавшей прямые выборы главы государства, которого раньше назначало ВНСТ, сокращение срока его полномочий с семи до пяти лет с возможностью повторного переизбрания, а также номинирование кандидатов политическими партиями [17. — С. 188].

В соответствии с поправками 2016 г., система сдержек и противовесов между исполнительной и законодательной ветвями власти практически полностью была демонтирована: ВНСТ лишилось права задавать членам правительства устные вопросы (только в письменной форме) и объявлять ему вотум недоверия. Примечательно, что

¹ Курдский город на севере Турции.

судебные органы также только *de jure* остались независимыми: незадолго до провалившегося переворота Высший совет судей и прокуроров начал реформу, которая предусматривала обновление кадрового состава судей и прокуроров на более чем 3750 человек ВНСТ [16. — С. 8].

Изменение характера взаимосвязи между ветвями власти существенно укрепило положение Р.Т. Эрдогана. Даже в случае нарушения им Конституции и законов и последующего начала процедуры импичмента ВНСТ с большой вероятностью не наберет необходимых для отставки двух третей голосов, так как в парламенте Турции доминирует пропрезидентское большинство. Помимо отмеченной реконфигурации, посредством кадровых «чисток» и новой модели военно-гражданских отношений президент ТР лишил политической субъектности армию, традиционно выступавшую в качестве «арбитра» в кризисные периоды: Высший военный совет, традиционно контролируемый военной элитой, был расширен за счет включения в его состав гражданских лиц, из прямого подчинения начальнику Генштаба были выведены командующие сухопутными, военно-воздушными и морскими силами, министерства получили в ведение важнейшие структуры, находившиеся ранее под контролем армии (заводы, судоверфи, госпитали, командование береговой охраной и жандармерией и т.д.), в довершение лиц, имеющих отношение к вооруженным силам, лишили права участвовать на выборах в ВНСТ [16. — С. 11].

В настоящее время политическая система Турции переживает период политической турбулентности, что ясно показали муниципальные выборы 2019 г., когда ПСР, будучи в альянсе с Партией националистического движения (ПНД), проиграла оппозиции две крупнейшие провинции в стране — Стамбул и Анкару. В попытке сохранить контроль над Стамбулом, стратегически значимым

муниципалитетом, Р.Т. Эрдоган не признал результатов выборов, убедив Центральную избирательную комиссию в проведении перевыборов в июне. Во второй раз ПСР потерпела куда более сокрушительное поражение, так как по результатам повторного голосования Экрем Имамоглу, выступивший от оппозиционного блока «Национальный альянс», победил с еще большим отрывом [15. — С. 121–124].

Первенство ПСР в партийной системе также находится под вопросом. На последних парламентских выборах 2018 г. правящая партия выступила вместе с ПНД в рамках объединения «Народный альянс». Поддержка данной партии и ее лидера Девлета Бехчели является необходимым условием для сохранения за ПСР доминирующего положения в парламенте страны, однако в ближайшем будущем глава ПНД может оставить свой пост в связи с проблемами со здоровьем [10. — С. 10]. Р.Т. Эрдоган теряет поддержку и внутри самой ПСР: в 2019 г. о намерении создать свои собственные партии заявили бывшие союзники президента — Али Бабаджан (соучредитель ПСР) и Ахмед Давутоглу (бывший министр иностранных дел и экс-глава правительства).

Первым на путь политического противостояния с ПСР вступил А. Давутоглу, объявив о создании «Партии будущего» 13 декабря 2019 г. Будучи опытным политиком с серьезным политологическим образованием, Давутоглу весьма удачно использует религиозные символы в своей программной риторике. К примеру, партийная символика представлена олицетворяющим ислам зеленым цветом, а сама партия была учреждена в пятницу — день, почитаемый мусульманами как священный. Партия демократии и прорыва — ее А. Бабаджан представил также в пятницу 11 марта 2020 г. — выступает за решение курдского вопроса, экономических проблем и ряд контрреформ. В целом политическая линия Бабаджана частично совпадает

с предложениями Давутоглу, однако нацелена в основном на представителей различных меньшинств, в то время как «Партия будущего» претендует на традиционный для ПСР электорат — консервативных избирателей.

Следующие парламентские выборы в Турции должны состояться в 2023 г. С большой вероятностью «Народный альянс» вновь получит большинство мест в парламенте, так как обе партии идеологически объединяет идея турецкого-исламского синтеза, находящая отклик у значительной части религиозного электората. Согласно докладу, опубликованному Государственным департаментом США, 99% населения страны — мусульмане [6]. Только сплоченная оппозиция может противостоять такому внушительному электоральному потенциалу, однако достичь консенсуса крайне непросто ввиду межпартийных разногласий. Так, в октябре 2019 г. лидер «Хорошей партии» Мираль Акшенер объявила о выходе из блока «Национальный альянс».

Возможный итог выборов главы государства, которые также пройдут

в 2023 г., является весьма неоднозначным. В настоящее время политическая система Турции полностью подконтрольна действующему Президенту. Как показали недавние опросы общественного мнения, рейтинг поддержки Р.Т. Эрдогана среди населения стремительно снижается: против него и ПСР высказалось 59,9% респондентов [2]. Несмотря на это, в связи с пандемией среди турецких граждан все чаще встречаются мнения в его поддержку, так как в кризисное время страна нуждается в «сильном политике», способном взять ситуацию под контроль [1]. Важно отметить, что оппозиция также не может предложить альтернативного политика-харизматика с сопоставимым «политическим весом». Данное утверждение применимо и к предполагаемому преемнику Эрдогана — министру финансов и казначейства Берату Албайраку [10. — С. 2]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что результаты муниципальных выборов и появление новых партий по-прежнему не имеют гарантий на успех в будущем, и эпоха Р.Т. Эрдогана и ПСР с большой вероятностью продолжится.

Литература

1. Coronavirus in Turkey: Erdogan's approval ratings surge to four-year high [Электронный ресурс] // Middle East Eye. — 2020. — URL: <https://www.middleeasteye.net/news/coronavirus-turkey-erdogan-approval-ratings-surge-high> (дата обращения: 03.10.2020).
2. Erdogan's model continues to lose public support in Turkey [Электронный ресурс] // Atalayar. — 2020. — URL: <https://atalayar.com/en/content/erdogans-model-continues-lose-public-support-turkey> (дата обращения: 03.10.2020).
3. Is Turkey turning its Back on the West? [Электронный ресурс] // The Economist. — 2010. — <https://www.economist.com/leaders/2010/10/21/is-turkey-turning-its-back-on-the-west> (дата обращения: 03.10.2020).
4. Model of Partnership in the Middle East: Turkish-Syrian Relations [Электронный ресурс] // Comments and Analytics on Turkish Politics. — 2011. — URL: <http://sedatlaciner.blogspot.com/2011/01/model-partnership-in-middle-east.html> (дата обращения: 08.10.2020).
5. Peres, Erdogan in "amicable talks" after Davos spat [Электронный ресурс] // CNN. — 2009. — URL: <https://edition.cnn.com/2009/WORLD/europe/01/30/davos.erdogan.peres/index.html> (дата обращения: 03.10.2020).
6. Report on International Religious Freedom: Turkey 2019 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-outlook-for-turkish-democracy-2023-and-beyond> (дата обращения: 08.10.2020).
7. Turkey: Foreign Direct Investment, percent of GDP [Электронный ресурс] // The Global Economy. — URL: https://www.theglobaleconomy.com/Turkey/Foreign_Direct_Investment/ (дата обращения: 08.10.2020).
8. Премьер-министр Турции будет просить о своей отставке [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 1997. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/179559>

9. *Akdogan Y.* The Meaning of Conservative Democratic Political Identity. — S.L.C.: The University of Utah Press, 2006. — 65 p.
10. *Danforth N.* The Outlook for Turkish Democracy: 2023 and Beyond // The Washington Institute for Near East Policy. — 2020. — № 77. — P. 2–16.
11. *Gunay O., Yoruk E.* Governing the Political Unrest: Political Islam and the Kurdish Conflict in Turkey // New Perspective on Turkey. — 2019. — № 61. — P. 9–43.
12. *Grigoriadis I.* The Davutoğlu Doctrine and Turkish Foreign Policy // Hellenic Foundation for European and Foreign Policy ELIAMEP. — 2010. — № 1 (8). — P. 1–13.
13. *Kirisci K., Toygur I.* Turkey's New Presidential System and a Changing West: Implications for Turkish Foreign Policy and Turkish-West Relations // Foreign Policy at Brookings. — 2019. — № 15. — P. 1–15.
14. *Taspinar O.* Turkey's Middle East Policy. — W.: Carnegie Papers, 2008. — 36 p.
15. *Аватков В.А., Сбитнева А.И.* Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 // Свободная мысль. — 2020. — № 2. — С. 115–128.
16. *Вартазарова Л.С., Кобринская И.Я., Уткин С.В.* Современная Турция: тренды развития и значение для России. — М.: ИМЭМО РАН, 2019. — 54 с.
17. *Харитонова О.Г.* Кризисная эволюция турецкой политической системы // Зарубежные политики. — 2018. — № 3 (90). — С. 181–205.